

СРЕДИ великих русских писателей прошлого века Лев Николаевич Толстой, пожалуй, больше всех провел времени перед фотоаппаратом. Еще студентом в 1849 году, всего через 10 лет после изобретения фотографии, он терпеливо сидел в кресле дагерротипного заведения В. Шенфельдта. Безусый, безбородый, в форменной студенческой шинели, он внимательно наблюдал за действиями мастера. Это была еще не фотография в нынешнем нашем понимании, а дагерротип — снимок, сделанный на посеребренной, хорошо отполированной медной пластине. Но и этот снимок донес до нас облик молодого Толстого. Затем были еще фотографии: 1854 года — с братьями Николаем, Сергеем, Дмитрием; потом два снимка 1856 года, сделанные знаменитым впоследствии фотографом Сергеем Львовичем Левитским, двоюродным братом А. И. Герцена, — один портретный, в сюртуке артиллерийского офицера, другой групповой, на котором мы видим молодого писателя в кругу сотоварищей по журналу «Современник».

Л. Н. Толстого снимали в разное время известные, главным образом московские, фотографы-профессионалы — М. Б. Тулинов, И. Г. Дягловченко, К. К. Булла, фотографы фирмы «Шерер и Набоков». Интересные снимки сделали любители — Д. А. Олсуфьев, А. Д. Ратницкий, П. А. Сергеев.

Но особенно часто фотографировали Толстого двое — его жена Софья Андреевна, его друг и единомышленник Владимир Григорьевич Чертков. Между ними возникло даже определенное соперничество — каждый стремился утвердиться только за собой право на внимание великого писателя и мыслителя. Трудно назвать победителя в этом споре. И Софья Андреевна, и Чертков оставили множество интереснейших снимков, по сюжетам своим совершенно недоступных профессиональным фотографам.

Чертков не только сам снимал Толстого. Он, кроме того, пригласил для этого из Англии профессионального фотографа Томаса Тапселя, поселил в своем доме, поручил фотографировать писателя как можно чаще; Тапсель проявлял и печатал все снимки Черткова. Вначале Толстого раздражало частое присутствие фотографа, но постепенно он привык к нему. А вот Софью Андреевну раздражало «разрешение... Тапселю снимать Льва Николаевича несчетное количество раз».

«Официальные» фотографии мужа на определенном этапе перестали удовлетворять Софью Андреевну. Она понимала, что каждый шаг в жизни Толстого, каждая его встреча с интересным современником будут значительны для потомков. Софья Андреевна приобрела фотографический аппарат, необходимые принадлежности, сама научилась фотографировать и, стремясь наиболее полно запечатлеть жизнь мужа, снимала его одного и в кругу семьи, за работой и на отдыхе, старалась не пропустить ни одного интересного посетителя Ясной Поляны. Ей мы обязаны тем, что сохранился и дошел до наших дней зримый след встреч и бесед Толстого с его современниками — Горьким и Мечниковым, Стасовым и Репиным, скульпторами Ильей Гинцбургом и Паоло Трубецким, зарубежными почитателями таланта Толстого, посетившими Ясную Поляну.

Софья Андреевна была человеком незаурядным. Она занималась живописью, рисованием — оставила три альбома отличных рисунков флоры Ясной Поляны: цветов, грибов, осенних листьев. Интересен составленный ею сборник детских рассказов «Куколки-скелетцы», книга

Софья Андреевна ФОТОГРАФИРУЕТ Льва ТОЛСТОГО

мемуаров «Моя жизнь». В молодые годы, когда не было еще пишущих машинок, Софья Андреевна сама, да не по одному разу, переписывала набело сочинения Льва Николаевича. Занявшись фотографией, она и ею увлеклась и достигла здесь отличных результатов. В гостиной яснополянского дома, в застекленном шкафчике у двери на лестничную площадку, она хранила фотографические принадлежности и негативы, а один из чуланчиков определила для фотолaborатории.

Можно только поражаться творческому горению Софьи Андреевны, ее взыскательности и вкусу. Занятия фотографией требуют, как известно, времени и терпения. Софья Андреевна отдавалась фотографии самоотдачей. И это при том условии, что на ней лежали хлопоты по довольно сложному яснополянскому хозяйству, воспитанию многочисленных детей и внуков, забота о гостях, а их было немало.

Фотографическое наследие Софьи Андреевны значительно и разнообразно: здесь и портреты, и жанровые снимки.

На портрете, сделанном в 1903 году, великий писатель сидит в мягком кресле в покойной позе. Свет падает справа, хорошо освещая лицо и руки Толстого, столик рядом, букет цветов на нем, вышитый коврик на спинке кресла. Мы видим Толстого в обычной для него блузе, одной из тех, что Софья Андреевна сама шила для мужа, в высоких сапогах — их тачал сам Лев Николаевич, видим большие, натруженные руки, знакомые не только с карандашом и ручкой, но и с сохой и плугом. Поражают суровый, сосредоточенный взгляд Толстого, глубокая складка на лбу. И взгляд, и морщины на лбу, и складка на переносе характерны для писателя в часы раздумья. Софья Андреевна удалось уловить и перенести на фотографию это его выражение. Как хорошо моделирована голова и лицо на темном фоне, как проработана на фотографии борода! Поистине — мастерский снимок. Ничуть не хуже тех, что сделаны профессионалами...

Софья Андреевна запечатлела и одну из встреч Толстого и Горького. Мы видим их ранней осенью в саду яснополянского дома. Оба — в осенних пальто, но у Горького оно застегнуто наглухо, у Толстого — распахнуто. В левой его руке — палка, правая излюбленным жестом четырех пальцев засунута под широкий кожаный ремень, которым подпоясана блуза. Подкупает непринужденная, какая-то домашняя поза писателей. Так и кажется: два хорошо знакомых между

Л. Н. ТОЛСТОЙ и А. П. ЧЕХОВ. Гаспра, 1901 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ и А. М. ГОРЬКИЙ. Ясная Поляна, 1900 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ в своем рабочем кабинете в день 80-летия. Ясная Поляна, 28 августа 1908 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ и С. А. ТОЛСТАЯ. Ясная Поляна, 1910 г. Последний прижизненный снимок Л. Н. Толстого.

собой человека остановились во время прогулки, задумались о том, что повели друг друга. Непрезентабельная, далеко не парадная одежда, особенно на графе Толстом, еще больше подчеркивает: писатели сошлись душевно и никакого значения не придают внешнему этикету. Характерно, что и Софья Андреевна не попросила мужа «приосаниться», по крайней мере застегнуть пальто: сняла как есть. И

в этом — особая выразительность снимка, его документальная точность. Он как бы иллюстрирует запись Толстого в дневнике после первой, хамовнической, встречи с Горьким: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа». Из современных ему русских писателей Толстой больше всего любил и ценил Чехова. В хамовническом доме Толстого пе-

реживало немало писателей. Толстого здесь посещали Д. В. Григорович и А. Н. Островский, Н. С. Лесков и В. Г. Короленко, В. М. Гаршин и Н. Д. Телешов. Но ни с одним из них Софья Андреевна мужа не фотографировала. А вот с Чеховым и Горьким сняла, чувствуя, видимо, особое расположение к ним Толстого. «Рад, что и Горький и Чехов мне приятны. Особенно первый», — записывает Толстой в дневнике.

Чехов впервые посетил Толстого в Ясной Поляне 8—9 августа 1895 года и вторично 15 февраля 1896 года. Одно из этих посещений зафиксировала на пластинке Софья Андреевна. Мы не знаем судьбу этого снимка, а вот другой, где Толстой и Чехов сняты в Гаспре в 1901 году, дошел до нас.

В 1901 году Чехов писал жене: «С. А. Толстая сняла Толстого и меня на одной карточке; я выпрошу у нее и пришлю тебе, а ты никому не давай переснимать, боже сохрани».

Как и в случае с Горьким,

чувствуется непринужденность в отношениях между писателями. Софья Андреевна сняла их на веранде дома Толстого в Гаспре, в Крыму. Они сидят на кушетке, беседуют. День, видимо, был прохладным и ветренным — оба в шляпах. Толстой в темной свободной блузе и сапогах забрался на кушетку поглубже, поджал одну ногу, положил ее под другую. Чехов — в более строгом костюме, при галстук,